

Никитина А. В.

Тверское княжество и Ферраро–Флорентийский собор (1439 г.)

В историографии широко освещается вопрос об участии Твери в Ферраро–Флорентийском соборе. Прежде всего, такой интерес к этому вопросу вызван не только соперничеством Твери и Москвы в то время, но и относительно новым для историографии документом, обнаруженным в начале XX века Н. П. Лихачевым – «Словом похвальным».

Не решен вопрос об отношении тверского князя к Собору, составе его делегации на Соборе и роли светского лица – Фомы. Не совсем ясным остается принадлежность Фомы к Тверскому или же к Московскому князюствам. В данной статье попытаемся сформулировать собственное видение обстоятельств, повлиявших на восприятие Флорентийской унии в Тверском княжестве, его значение и последствия.

Согласно «Словарю книжников и книжности Древней Руси»: «Фома (XV в.) — инок, автор Похвального слова о тверском великом князе Борисе Александровиче. <...> Опираясь на текст самого Слова, можно только сказать, что это было лицо, близкое к князю Борису Александровичу (1425–1461гг.) и хорошо знакомое с его двором. А. А. Шахматов считал его летописцем княжения Бориса Александровича. Из характеристики, данной автором себе самому, видно, что он был профессиональным придворным писателем. Для исследователей остается загадкой, являются ли Фома, тверской посол на упоминаемый в первой части Слова Ферраро–Флорентийский собор, и инок Фома одним лицом или они — два разных лица. Тверской посол на Ферраро–Флорентийском соборе Фома упоминается и в других памятниках, в том числе и западных (в одном случае он назван Фома Матвеевич)¹.». Фома – автор слова похвального, и Фома, тверской посол на Русь – это определено два разных лица.

Об отношении Твери к проведению объединительного собора свидетельствуют некоторые фрагменты «Слова похвального» (известия о предполагаемой переписке Тверского князя и Константинопольского императора), которые не оставляют сомнений в том, что перед самым проведением собора оно было достаточно лояльное: «...в писанных до начала Собора письмах Бориса мы видим весьма оптимистическое отношение к “**святому** сему и **вселенскому** собору”»². Не исключаем возможности переписки Иоанна VIII и Бориса Александровича, однако, факт организации делегации из Константинополя в Тверь кажется нам сомнительным (и прежде всего, потому что финансовых возможностей для организации подобного мероприятия у Константинополя не было: вспомним бедственное положение греков, описанное Сильвестром Сиропулосом³; кроме того,

¹ СККДР. Вып. 2: вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 474.

² Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства // Ученые записки ЛГУ. 1936. № 36. Серия исторических наук. Вып. 3. С.92.

³ Сильвестр Сиропул. Воспоминания о Ферраро–Флорентийском соборе: в 12 частях. СПб., 2010. С. 29–31; 146–147.

положение Твери было не столь значительным, чтобы Константинопольское правительство отдельно заботилось о ее представительстве на Соборе). Я. С. Лурье определяет участие Твери в Соборе как «весьма активное».⁴

Спорным до сих пор остается и вопрос о принадлежности к Московскому или Тверскому князю посла Фомы. О. А. Абеленцева делает следующие предположения о «гражданстве» Фомы: «Участник собора иеромонах Симеон Суздальский в своей “Повести об осьмом соборе” называет Фому послом великого князя московского Василия II Васильевича. В “Хождении на Флорентийский собор” неизвестного суздальца и во фрагменте “О пресвитере” из Жития св. Сергия Фома упоминается как посол великого князя Бориса Александровича Тверского. Е. Е. Голубинский попытался примирить сообщения источников, предположив, что Фома был послом Василия II, “взятым из тверских бояр”, что соответствовало представлению исследователя о главенствующем положении Василия II. Полемике о том, какое княжество представлял посол Фома, завершила публикация Н. П. Лихачевым Инока Фомы “Слова похвального о благоверном великом князе Борисе Александровиче” в котором Фома фигурирует как посол тверской»⁵. На наш взгляд, Фома, действительно посол Тверской: имя его в русских источниках относительно делегации на Флорентийский собор сохранено, а принадлежность к тому или иному княжеству ликвидирована, возможно, при позднейшей редакции источников (таким образом, в дальнейшем, Фома стал восприниматься как посол Василия II).

Борис Александрович позиционировал себя как отдельный русский великий князь, царь, это и породило некоторый сумбур в отнесении Фомы к Московскому или Тверскому княжествам (ведь с учетом проблем в Константинополе и «беспорядков» среди католических Соборов, которые не могли решить кто же из них ложный, Евгений IV и Иоанн VIII вряд ли стали бы заботиться о выяснении точного «адреса» Фомы; у С. Сиропула же он просто назван русским послом (ни имени, ни указания на представительство)). На наш взгляд несомненно, что Фома являлся представителем именно Тверского князя, ведь на Собор европейские государи (а тверской князь позиционировал себя именно как «государь») присылали обычно своих светских «заместителей»...вероятней всего – так поступил и Борис Александрович. От Московского же князя, заведомо известно – пошел Исидор, поскольку последний имел с Московским князем непосредственную встречу и контакты до Собора. То, что Фома покинул Собор, отнюдь не свидетельствует о фактическом разрыве с Исидором. Исидор был человеком очень грамотным и дальновидным (ссориться с представителями сильных княжеств было не выгодно), именно поэтому он учел все возможные опасности и подготовил почву для принятия Унии так, как ему было необходимо: в Новгороде он учел возможное противодействие местного владыки и предпочел сохранить митрополию целостной; в Москве – он лично беседовал с одним из самых сильных князей Руси, вероятно, убеждая его в безопасности этого мероприятия; а в Твери – учтя Литовскую ориентацию местного князя (тоже, к слову – одного из сильных, на наш взгляд, князей первой половины XV века), всячески помогал светскому послу – Фоме, и даже убедил участвовать в торжественной церемонии.

⁴ Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства. С. 92.

⁵ Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. Дисс. ... к.и.н. СПб., 2002. С. 149–150.

О. А. Абеленцева делает вывод о том, что Фома не мог получить Охранную грамоту от папы «через голову митрополита»⁶ и говорить о каких-то разногласиях между ними тем более не приходится. Исходя из содержания Охранной грамоты, участия Фомы в финальных церемониях после заключения Унии можно говорить об особом расположении Исидора (что видно из содержания самой Охранной грамоты, о которой пишет О. А. Абеленцева⁷), «охранная грамота призывает помогать послу в дороге, “чтобы он возмогл нами ему порученная совершить”»⁸. Учитывая вышеизложенное, можем предположить, что Фома, получив Охранную грамоту от папы через Исидора, поехал обратно в Тверь с тем, чтобы выполнить некое поручение: известить Тверского князя о происходящем на соборе или, как рассчитывал Исидор, расположить Тверского князя к принятию Унии, от чего «седалищу апостольскому придет благоволение»⁹. Ни о какой ссоре между Исидором и Фомой не могло быть и речи, так как Фома был нужен Исидору, рассчитывавшему на Бориса Александровича, как на «проповедника» Унии в Литве. Исходя из тех соображений, что между Тверью и Москвой шло соперничество в тот период – можно предположить, что Исидор рассчитывал на этом сыграть, посулив тверской стороне содействие (именно поэтому в одном из фрагментов «Слова похвального» (которое предположительно является компиляцией из разных **по времени** полемических сочинений одного автора¹⁰) отношение Твери к Собору определяется как достаточно позитивное.

Таким образом, резюмируем наши предположения:

– власти Константинополя и Римская Курия, в силу сложившихся трудных обстоятельств, не заботились о составе делегаций, для них важно было другое (во всяком случае, не вдавались в подробности политической обстановки на Руси), а Исидор, приехавший на Русь в качестве митрополита не зря ехал на собор такими окольными путями и предпринимал определенные меры: ему была необходима надежная платформа, база, которая даст свои плоды и ко времени его возвращения все будет готово для должного восприятия Унии;

– княжества на Руси, каждое, получили от него некоторые посулы, соответственно своим чаяниям: Московскому князю, вероятно, было обещано содействие в усилении позиций Московского княжества и полное содействие митрополии¹¹ (что происходило ранее, когда Фотий оберегал молодого Василия II); новгородский владыка был «поставлен на место» хозяйской рукой нового митрополита; тверской князь удовлетворил свои амбиции и царские притязания, представляемый как европейский владыка своим светским послом, а с учетом вышеуказанной ситуации – как «русский король» (так, у Сиропула читаем: «...то же самое

⁶ Там же. С. 156.

⁷ Абеленцева О. А. Охранная грамота папы Евгения IV послу русскому Фоме (о тверском посольстве на Ферраро-Флорентийский собор) // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 40–47.

⁸ Абеленцева О. А. Митрополит Иона... С. 157.

⁹ Абеленцева О. А. Охранная грамота... С. 40–47.

¹⁰ Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства. С. 91–92.

¹¹ Скорее всего, идея поставления собственного митрополита родилась позже из данного когда-то Исидором обещания содействовать московскому князю во всех делах (сразу оговоримся, что это всего лишь предположение автора, подкрепить которое документально не представляется возможным).

повторил русский посол, притом, что митрополит Российский просил это заранее **ради чести посла и его короля»**¹²).

Исидор был очень расчетливым и умным человеком, который за несколько месяцев сумел проникнуть в суть происходящего на Руси и пообещать каждому то, что тот желал. С уверенностью можно сказать, что Исидор знал, как подкупать доверие, покупать подписи и указывать каждому свое место. Он надеялся на содействие светского посла Фомы, представлявшего не только одно из сильных княжеств, но и «государя», сотрудничавшего с Литвой. Фома, не вдававшийся в догматические споры, получил «Охранную грамоту», а вот Симеону действительно пришлось «бежать» (как это принято оценивать среди ученых), поскольку ему было необходимо по какой-то причине прибыть на Русь раньше основной делегации.¹³ Не совсем ясно, какую цель преследовал Симеон Суздальский, «бежавший» в Новгород, но новгородские летописи, по мнению Я. С. Лурье¹⁴, первыми отреагировали на «ветер перемен», подувший из Италии¹⁵, и, на наш взгляд, не случайно – такое же «задание» (выяснить суть происходящего подробнее, чем это освещено в письмах из Константинополя) получил и посол Фома, так как Борис Александрович тоже хотел знать, какую цену за поддержку митрополита придется платить. Получив информацию от Фомы, Тверской князь должен был быть готовым к приезду Исидора («Praemonitus – praemunitus»), он должен был первым предпринять такие действия, которые не только не противоречили бы предыдущим его поступкам, но и дали бы ему преимущества перед остальными князьями, а особенно – перед Василием II. Возможно, план действий и был разработан Борисом Александровичем, но позиция Твери была определенной – при любом исходе Собора – это ярко выраженная идея единодержавия и стремление тверского князя подтвердить свой «царский» статус.¹⁶ Скорее всего, в Твери не рассчитывали, что в Москве будут предприняты попытки к смещению Исидора¹⁷, поэтому могли задержаться с принятием адекватного ситуации решения. Однако, при той линии поведения, которую предпринял князь тверской до проведения Собора, и всеобщий настрой церкви против Исидора и Унии (спровоцированный реакцией Москвы¹⁸), выбора в итоге совер-

¹² Сильвестр Сиропул. Воспоминания... С. 287.

¹³ Заметим, что, исходя из анализа источников, приписываемых Симеону Суздальцу, нельзя сказать о его изначальной негативной оценке Флорентийской унии и решений Собора. На Руси, до получения писем с Афона (и некоторое время после этого), не могли верно оценить характер происходящего. Поэтому, говорить именно о «бегстве» Симеона Суздальца, на наш взгляд, не корректно.

¹⁴ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994.

¹⁵ Скорее всего, вопрос состоял в том, кто из князей и владык (в случае с Новгородом, где Ефимий II, видимо, больше всех ждал новостей) раньше получит ценную информацию, пока Исидор медленно собирается в обратный путь с Собора.

¹⁶ Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства. С. 91–92.

¹⁷ Это, на наш взгляд, еще раз подтверждает то, что отношение к Исидору в Москве было достаточно благожелательным, как к остальным традиционным ставленникам Константинополя.

¹⁸ А. Я. Шпаков в свое время писал, что отказ от унии в Москве породил от нее и в южной Руси. (Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Киев, 1904. Ч. 1. С. 111). На наш взгляд, скорее всего так и было, потому что к тому времени Московское княжество стало более весомой политической единицей.

шенно не оставалось: Исидор из Твери был «изгнан»¹⁹ (причем, месяцев через шесть, после того, как туда приехал: средокрестная неделя, о которой говорит летописец [«и князь Тферский Борис прииме его за приставы посади, и потом его отпусти в великий пост на средокрестной недели»],²⁰ приходилась в 1442 г. на 12 марта. Вследствие этого, пребывание Исидора в Твери должно было продолжаться почти полгода²¹).

В свете вышеозначенного, можно говорить только о выжидательной позиции и Твери, и Москвы: поскольку первоначальное отношение к Собору было более лояльное, а уже во время отсутствия Исидора на Руси, когда он отправился в Рим после Собора, оба княжества предприняли попытки подвергнуть осуждению решения Собора, избавившись, таким образом, от Исидора и возможной власти папы. Осуждение Исидора в Твери было не таким поспешным, как в Москве. Тверской князь тщательно взвешивал свои действия, что, в сущности, и погубило его начинания. Однако в 1441 году в Москве Василий II собирает собор и епископов, где избирает Иону Рязанского в митрополиты. Такая поспешность со стороны Москвы вполне объяснима: пока тверской князь раздумывает, как сохранить образ ревнителя православия и самодержца, при этом, не оставшись в меньшинстве перед лицом московского соперника, – в Москве уже «избрали» митрополита и готовили послания и бумаги, подтверждающие его легитимность²². Конечно, о реакции Константинополя русские задумывались (как это и объяснено у Е. Е. Голубинского), и даже больше, чем это принято считать; однако, не стоит исключать вероятности, что в тот момент Василию II была важна не столько реакция Константинополя, сколько реализация той возможности, которая ему представилась. Реализовать её было необходимо скорейшим образом, прежде чем Тверской или любой другой князь или владыка успеют повернуть ситуацию в выгодное для них русло. Необходимо учитывать политическую обстановку, в которой находилось Московское княжество и Тверское княжество, а также задачи, встававшие перед тем и другим князьями. В рассматриваемый нами период у Московского князя было несколько больше забот о сохранении за собой княжеского стола, нежели у Тверского. Борис Александрович имел больше возможностей и времени озаботиться дальнейшей судьбой своего княжества и повышением его политического статуса на международной арене, нежели Василий II, почти все время которого уходило на борьбу с соперниками. На наш взгляд, то промедление, которое себе позволил Тверской князь, и которое потом

¹⁹ Либо его присутствие, как оказалось, больше не сможет сыграть для тверского князя хоть сколько-нибудь полезную роль, и Исидор просто стал не нужен, и был отпущен или попросту отвергнут Борисом Александровичем, а в позднейших источниках, конечно – «изгнан».

²⁰ ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 30.

²¹ Ключ Э. Княжество тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 329.

²² РИБ. Т. 6. СПб., 1880. № 62. – на наш взгляд, послание Василия Васильевича, которое не было отправлено, является одним из того комплекса документов, подтверждающих статус и легитимность поставления Ионы, что были созданы **для остальных русских княжеств, а не для самих константинопольских иерархов**. Создание таких документов было необходимо, поскольку в сложившейся ситуации, как мы уже говорили, скорость, с которой Москва воспользовалась временным замешательством остальных княжеств после возвращения Исидора, была главным козырем и сыграла ключевую роль в становлении единого государства под началом Московского княжеского дома.

сыграло против него, было обусловлено и его общением с Афоном и ориентацией на реакцию афонских старцев, а также некоей договоренностью с Исидором и ожидания от него определенных действий. Пока Борис Александрович ожидал реакции Афона, Константинополя²³, воплощения обещаний Исидора и не предпринимал никаких существенных действий, в Москве эти действия уже предприняли, а уж для константинопольцев приготовили правдоподобную историю, а также комплекс документов и посланий, благодаря которому весь русский клир поддержал бы московского князя. Так или иначе, но Москва предпочла действовать немедленно и, не исключено, что на Руси Исидора, таким образом, отвергали, а для Европы и Константинополя он продолжал оставаться единственным легитимным митрополитом (что было для них выгодно), вплоть до поставления Григория. То, что происходило далее, относительно Григория, было ничем иным, как продолжением мероприятия, начатого в начале 40х гг. XV века Василием II.

Роль «поборника и защитника православия» больше не принадлежала Борису Александровичу, почти все эпитеты, которыми в «Слове похвальном» награждает князя иннок Фома, в конце XV в. фактически перемещаются в адрес Василия II²⁴, и уже он становится и «Константином Великим», и «государем», вошедшим в историю, как спаситель православия²⁵. Великокняжеское летописание впоследствии воспринимает некоторые княжеские эпитеты из Твери: «По сих же прииде Сидор на Русскую землю во **богоспасаемыи град Москву** ко благочестивому и благоверному великому князю Василью Васильевичю <...> От такового же злехитриваго врага соблюде господь **великодержавнаго Ва-**

²³ Не будем забывать о высказанном нами ранее мнении о пребывании русских князей в неизвестности или выжидании продолжительное время после прибытия Исидора с Собора.

²⁴ Сходство есть даже в упоминании церкви, посвященной Архангелу Михаилу, в котором Василий II проводил собор: «...иже в благочестии цветы благоверный князь велики Василей Васильевич <...> И створше збор велик в церкви Святаго архангела Михаила, в богоспасаемом граде Москве...» (Новикова О. Л. Формирование и рукописная традиция «Флорентийского цикла» во второй половине XV- первой половине XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 14. М.; СПб., 2010. С. 116). Также, небезынтересным является замечание О. А. Абеленцевой о том, что «в Софийской II и Львовской летописях <...> в части Повести [о восьмом соборе], рассказывающей о сборах митрополита Исидора на собор <...> Василий II <...> ссылается на 1 правило Седьмого вселенского собора...» и далее – «Любопытно, что и тверской иннок Фома в «Слове похвальном» вкладывает в уста великого князя Бориса Александровича призыв, адресованный императору Иоанну Палеологу: “. да будет святыи вселенский собор по первому преданию святых правил и по чину святых седми собор”, а также сообщает, что послу Фоме князь велел “прилежно смотрити, и аще”». (См. Абеленцева О. А. Митрополит Иона... С. 135, 137) – возможно, эти эпизоды стоит переставить местами: тверское наследие повлияло на общерусское летописание и формирование образов государей, а не наоборот (как, в общем-то, и утверждал Я. С. Лурье в указанной работе).

²⁵ Интересное замечание о влиянии тверской культуры на общерусскую см. у Я. С. Лурье: «Целый ряд формулировок основоположника идеи “Москва – третий Рим” Филофея взят непосредственно из тверской литературы...» (Роль Твери... С. 109). Не будем забывать также и о других случаях заимствования тверских идей московским князем: чеканка «денги» (Алеф Г. Политическое значение надписей на московских монетах эпохи Василия II // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 607).

силъа Васильевича, во благочестии цветущаго **царя всеа Руси**, ему же о сем откры господь бог велеумне разумевати и вся мудроствовати»²⁶.

Теперь именно в Москве назначался митрополит, поставляемый в отличие от прежнего, не константинопольским патриархом, а собором епископов Руси, большая часть которых в это время уже происходила из епархий либо прямо находящихся под московской властью, либо входящих в среду политического влияния московского князя. Зависимость митрополита от московского князя возрастала. Не совсем ясной все же остается истинная обстановка в русской митрополии с 1441–1448 гг., однако, как нам кажется, отношения между представителями тверского духовенства и митрополитом Ионой были напряженные (скорее всего, потому что в Твери хорошо знали о том, **каким** образом поставлен новый митрополит Киевский и всея Руси и трудно переживали такой неожиданный успех Московского княжества). О натянутых отношениях между тверским владыкой и митрополитом Ионой свидетельствует и письмо (1459 г.) Ионы Моисею, Тверскому епископу, в котором Иона настоятельно рекомендует Моисею принять участие в неких «великих» церковных делах, по примеру своих коллег: «Моисею, епископу тверскому. Писал есмь, сыну, переже сего ко тебе, и не единовы, и двожды своих [послов] посылал, чтобы еси был ко нам, церковных ради великих дел, и ты к нам не поехал; а нынеча втретии по тебя есмь послал, и сию свою грамоту к тебе пишу, чтобы еси по сей нашей грамоте, к нам был, безо всякого перевода какого <...> занеже твоя братия, архиепископ ростовский и иные все владыкы здесь у нас благословилися <...>. И ты бы также, безо всякого перевода к нам, к тому сроку, как тебе пишу, а того бы еси себе не поплошил; а не будешь и свое исповедние во свое ставление позапомнишь: иноко нам тебе написать и послати, и то бы тебе было ведомо...»²⁷ «Рекомендация» эта носит авторитарный характер, Иона явно не доволен таким пренебрежением и напоминает о клятве, которою давал Моисей при хиротонисании. Как известно, Моисей не проявлял особой инициативы в делах русской митрополии под началом митрополита Ионы. Он не проявлял интереса к осуждению Григория Болгарина²⁸, как это делало большинство русских церковных иерархов, за что, в 1461 году, после смерти своего покровителя – Бориса Александровича, и был лишен сана и сослан в Отроч монастырь, где впоследствии скончался и был погребен. Натянутость отношений между тверскими иерархами и митрополитом также может объясняться и продолжающимися попытками Тверского князя реабилитироваться и сохранить за собой образ «ревнителя православия», «государя» и «коронованного царя» (эта попытка хорошо иллюстрируется созданием в начале 50х гг. «Слова похвального») и утвердиться в качестве наследника павшего Константинополя²⁹, поскольку и «Слово похвальное» создается в период формирования в России теории «Третьего Рима».

²⁶ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 259–260.

²⁷ РИБ. Т. 6. № 82.

²⁸ Трудно определенно сказать, была ли тому причиной «пролитовская» ориентация Бориса Александровича.

²⁹ Вспомним упомянутый нами эпизод с использованием символа Архангела Михаила относящийся к 50 м гг. XV века. (см. сноску № 25).

Источники и литература

1. *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. Дисс. ... к.и.н. СПб., 2002.
2. *Абеленцева О. А.* Охранная грамота папы Евгения IV послу русскому Фоме (о тверском посольстве на Ферраро–Флорентийский собор) // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 40–47.
3. *Алеф Г.* Политическое значение надписей на московских монетах эпохи Василия II // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 591–610.
4. *Клюг Э.* Княжество тверское (1247–1485 гг.). Тверь: ЛТД, 1994.
5. *Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. СПб: Дмитрий Буланин, 1994.
6. *Лурье Я. С.* Роль Твери в создании Русского национального государства // Ученые записки ЛГУ. 1936. № 36. Серия исторических наук. Вып. 3. С. 91–92.
7. Полное собрание русских летописей. СПб., 1851. Т. 5.
8. Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Наука, 1949. Т. 25.
9. Русская Историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880.
10. *Сильвестр Сиропул.* Воспоминания о Ферраро–Флорентийском соборе (1438–439): в 12 частях. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2010.
11. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1: А–К. Л.: Наука, 1988.
12. *Шпаков А. Я.* Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Княжение Василия Васильевича Темного. Ч. 1. Киев, 1904.